

**РУССКАЯ ИСТОРИЯ КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ
В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА ШАРОВА:
образы бегства как возвращения и изгнания
как травмирующего «крестного хода» и «крестового похода»
в романах «Будьте как дети» и «Возвращение в Египет»**

Максим В. Кирчанов

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3819-3103

Ключевые слова: Владимир Шаров, «Будьте как дети», «Возвращение в Египет», проза, постмодернизм, воображение, русская история, возвращение, бегство, паломничество, историческая память

Аннотация. Автор анализирует литературное наследие российского постмодернистского писателя Владимира Шарова в контекстах образов путешествия. Рассматриваются образы бегства и возвращения в романах «Будьте как дети» и «Возвращение в Египет». Автор полагает, что писатель актуализировал в своих текстах проблемы движения как социального и культурного путешествия, как травмы, ностальгии и забывания. Реальные и воображаемые путешествия героев прозы В. Шарова могут быть описаны в категориях абсурдности и бессмысленности, потому что образы путешествия не актуализируют пространственные миграции, но визуализируют противоречия и парадоксы развития русской идентичности как деформированной идентичности. Автор анализирует путешествия в прозе В. Шарова как изобретенные культурные традиции. Предполагается, что дискурс путешествия в текстах писателя стал последствием особенностей развития модерна в России как модерна до модерна и модерна без модерна. Путешествия в прозе В. Шарова постепенно утрачивают связь с реальностью, трансформируясь в путешествие-конструкт и путешествие-память. Вынужденные путешествия героев его прозы стали воображаемыми паломничествами и попытками бегства русского народа как заложника российской истории. Предполагается, что писатель воображал историю России как социальное и культурное путешествие циклического характера. Поэтому показано, что мотивы путешествия в прозе В. Шарова представлены в самых

разнообразных формах, включая роман в письмах, традиционный постмодернистский роман и имитацию религиозного жития.

**RUSSIAN HISTORY AS AN INVENTED TRADITION
IN THE PROSE BY VLADIMIR SHAROV:
an image of an escape as of a return
and an image of an exile as of a traumatic “procession” and “crusade”
in the novels “Be Like Children” and “Return to Egypt”**

Maksym W. Kyrchanoff
Voronezh State University
Voronezh, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3819-3103

Keywords: Vladimir Sharov, “Be Like Children”, “Return to Egypt”, prose, postmodernism, imagination, Russian history, return, escape, pilgrimage, historical memory

Summary. The author analyzes the literary heritage of the Russian postmodernist writer Vladimir Sharov in the context of travel images. The article considers novels “Be like children” and “Return to Egypt”. The author believes that the writer actualized in his texts the problems of movement as of a social and cultural journey, like trauma, nostalgia and forgetting. The real and imaginary travels of characters in the prose by V. Sharov can be described in the categories of absurdity and meaninglessness. Travel images do not actualize spatial migrations, but they visualize contradictions and paradoxes of the development of Russian identity as a deformed one. The author analyzes travels in V. Sharov’s prose as invented cultural traditions. The travel discourse in the texts by V. Sharov became the result of the development of modern in Russia that emerged as modern before modern and modern without modern. The author of the article assumes that the travel in V. Sharov’s prose gradually loses its connection with reality, transforming into a travel as a construct and a travel as memory. The forced travels of his prose characters became imaginary pilgrimages and attempts of the Russian people, regarded as a hostage of Russian history, to escape. The writer imagined Russian history as a cyclical social and cultural journey. The motifs of travel in V. Sharov’s prose are presented in a variety of forms, including a novel in letters, a traditional postmodern novel, and an imitation of hagiographic texts.

Формулировка проблемы

Проблемы развития русской национальной идентичности принадлежат к числу актуальных сюжетов для изучения в рамках современных междисциплинарных исследований национализма. Подобные штудии актуализируют взаимосвязи и взаимозависимости с другими областями гуманитарного знания, включая исторические исследования (интеллектуальная история, культуральная история) и литературоведение. Конструктивистский поворот в изучении национализма вынудил его историков отказаться от ортодоксальной исторической эпистемологии в пользу использования методов других наук. Поэтому большинство современных междисциплинарных штудий национализма активно используют гетерогенный и многоуровневый корпус источников, среди которых особое место занимают литературные произведения. Принимая во внимание как исторические, так и современные особенности развития русского национализма и функционирования националистического воображения, очевидно, что его изучение будет малопродуктивным и неэффективным без обращения к литературным источникам. Эта ситуация стала следствием одновременного воздействия целого ряда факторов, связанных с особенностями русского национализма, которые сложились в советский период.

Суммируя особенности русского националистического воображения на протяжении советской эпохи, в качестве его характеристик упомянем следующие: непризнание русского национализма на государственном уровне с формальной точки зрения (допускалась критика любых «буржуазных национализмов», кроме русского), отсутствие формализованных русских «национальных» институтов типа собственной коммунистической партии или Академии Наук, миграция национального из сферы политики в пространство культуры, в частности – литературы и гуманитарных исследований. Несмотря на распад в 1991 г. СССР, русский национализм не смог в полной мере преодолеть эти родовые травмы, возникшие в советский период: с одной стороны, в РФ отсутствуют формально зарегистрированные националистические партии; с другой

– не созданы русские национальные субъекты в рамках Федерации. Несмотря на это, русский национализм стал реальностью политической и интеллектуальной жизни, но националистический дискурс, как и в советский период, представлен преимущественно в сфере литературы.

Цель и задачи статьи

В центре авторского внимания в данной статье будут проблемы развития русского культурного национализма в контексте наследия Владимира Шарова (1952–2018), российского писателя-постмодерниста, который в своих текстах периодически актуализировал травматическое наследие дискретности русского исторического процесса, активно используя образы путешествия как движения социума и коллективных попыток возвращения сообщества в идеальный «золотой век» национальной истории. Исходя из этого, целью статьи является анализ мотивов движения и образов путешествия как бегства, возвращения и паломничества в прозе В. Шарова. В качестве задач статьи следует определить анализ образов российской истории как перманентного движения; изучение индивидуальных траекторий социальных и культурных «движений» героев; анализ религиозной компоненты в образах движения в прозе В. Шарова.

Методология

Современными интеллектуалами (Вачева, 2003) признаются многочисленные сложности методологического плана, связанные с интерпретацией модернистских текстов. Изучение литературы постмодерна зависит от родовых травм анализа литературного модернизма и представляет не менее сложную задачу. Поэтому, с методологической точки зрения, статья основана на принципах, предложенных в рамках конструктивистского поворота в современной междисциплинарной историографии национализма. Образы путешествия как движения в прозе В. Шарова раскрываются как изобретенные традиции русского националистического воображения, которые, в свою очередь, актуализируют «большие нарративы» национализма, включая, во-первых, континуитет русской истории; во-вторых, образы большевизма как русской национальной травмы или национальной миссии; в-третьих, истории России как формы русской национальной миссии и особого пути.

Историография

Если постмодернизму в целом и его национальным формам в частности (Котеска, 2002; Котеска, 2003) посвящена значительная литература, то некоторые современные писатели-постмодернисты оказываются в центре академических исследований не столь часто, как их коммерчески успешные коллеги, чьи тексты интегрируются в массовую культуру общества потребления. Владимир Шаров, в отличие от его современников (модных В. Сорокина или В. Пелевина), не столь популярная фигура у исследователей российского постмодернизма (Шейко-Маленьких, 2006; Ащеулова, 2013; Ащеулова, 2016; Кірчанаў, 2019; Лихина, 2009). Некоторыми авторами тексты В. Шарова определяются как «то ли аутентичный апокриф, то ли интеллектуальная игра в апокриф» (Топоров, 2008). В литературной критике писателю, определяемому как «романист-исследователь, романист-вспытатель» (Иваницкая, 2008), уделялось несколько больше внимания (Беззубцев-Кондаков, 2006; Папков, 2014). Ирина Каспэ, например, свела основные темы его творчества к относительно точной формулировке, предположив, что В. Шаров как писатель исследовал «формы конструирования прошлого, типы рассказывания макро- и микроисторий, механику взаимосвязи исторической памяти и литературного нарратива» (Каспэ, 2008). Рост интереса к текстам В. Шарова пришелся на 2018 и 2019 гг. (Курицын, 2019), но некоторые публикации этого периода фактически представляют собой или некрологи (Белкин, 2019; Березин, 2018; Визель, 2019; Иванова, 2018; Мирзоев, 2019; Шишкин, 2018; Эпштейн, 2018а), или близки все же к критическим, а не академическим текстам. В целом же В. Шаров пребывал среди интеллектуальных авторов, чьи тексты были сложны для понимания, что содействовало его замалчиванию. Интерес к его творчеству в России 1990-х – 2010-х гг. имел эпизодический и нерегулярный характер, а появление публикаций о нем совпадало с изданием очередного романа писателя.

Источниковый корпус

Основу источникового корпуса статьи составляют тексты Владимира Шарова, включая романы «Будьте как дети» (Шаров, 2016) и «Возвращение в Египет» (Шаров, 2015), изданные в период между 2008 и 2013 гг.

В. Шаров и своеобразие российского постмодернизма

Роман «Возвращение в Египет» стал текстом-путешествием, но само путешествие в этом случае было облачено в формы возвращения, которое порой превращалось в бегство (бегство из страны, воображаемой героями в категориях тюрьмы или концентрационного лагеря) или в возвращение (метафорическое возвращение русских как богоизбранного народа в свой воображаемый Египет). Истоки постмодернизма прозы В. Шарова сложноопределимы, а их локализация в литературной истории является проблематичной. Комментируя противоречия генезиса и вызревания постмодернизма в национальных литературах, Я. Мойсиева-Гушева подчеркивает, что «начало стилистического формирования постмодернизма всегда трудно определить. Чаще всего это связано с теоретическим осознанием истощения старых и появлением новых поэтических доминант в литературе. Их новизна не всегда связана с инновациями, но скорее с их навязыванием в качестве доминирующих» (Мойсиева-Гушева, 2005). В этой ситуации и русская классическая проза, и советская классика, и советская неформальная литература в одинаковой степени могут претендовать на статус социальных и культурных прародин постмодернизма прозы В. Шарова. Если воспринимать историю русской, советской и российской литературы XX в. в традиционной системе координат, то место в ней этого писателя может показаться маргинальным в силу того, что его эксперименты с интеграцией русской истории в текст могут показаться слишком радикальными. Между тем болгарский критик Боян Манчев полагает, что в некоторых случаях именно пограничные и порой маргинальные случаи, а не ядро (Манчев, 1999), не литературный мейнстрим становятся показательным предметом исследования. В этом контексте романы В. Шарова обеспечивают интеллектуалов многочисленными примерами идентичностей, созданных воображением писателя, которые в одинаковой степени маргинальны как для реальности, которую автор пытался деконструировать, так и для самой линейной версии истории русской литературы, где писателя формально можно локализовать.

Роман «Возвращение в Египет» в этой ситуации можно интерпретировать в категориях бегства как травматического движения, но это бегство стало и возвращением, связанным с проработкой прошлого и мучительной работой памяти – исторической, социальной, культурной, религиозной – в ее попытках вообразить и изобрести компромиссную версию прошлого, которая в перспективе могла бы

консолидировать сообщество. Неудивительно, что Коля, главный герой романа и адресат значительной части писем, из которых и конструируется текст, пребывает в состоянии движения, но не в пространстве, а в российской истории, которую он вместе со своими дядьями и другими корреспондентами стремится пройти заново, переосмыслив ее и направив другим путем через дописывание гоголевских «Мертвых душ».

Американский критик Ихаб Хасан, комментируя особенности литературы постмодернизма, полагает, что «между модернизмом и постмодернизмом нет железного занавеса или китайской стены, так как история является палимпсестом, а культура одинаково открыта для прошлого, настоящего и будущего. Я подозреваю, что мы все немного викторианские, современные и постмодернистские писатели одновременно. И в течение своей жизни автор может написать как современную, так и постмодернистскую книгу» (Хасан, 2000). Переноса это предположение на прозу В. Шарова, мы можем констатировать ее маргинальный в этом смысле «фронтальный» характер: писатель успешно имитировал бытописание русскоязычной прозы, симулировал идеологические послания советской литературы, стилизовал современные постсоветские литературные тенденции. Тексты В. Шарова не так просто локализовать на ментальных воображаемых картах российской современной литературы. Если П. Антов в отношении болгарской постсоциалистической литературы пытается использовать принципы типологизации и классификации, выделяя несколько поколений авторов-постмодернистов (Антов, 2008), то с текстами В. Шарова этот методологический прием оказывается фактически неприменимым.

Творчество В. Шарова охватывает период между 1991 и 2018 гг., а его тексты служили интеллектуальной иллюстрацией как к постмодернизму в целом, так и к его родовым травмам в частности. Кроме этого, активное использование игры как формы бытования нарратива превратило историю России в коллективного героя шаровской прозы, сделав исторический процесс конструктом и изобретенной традицией. Поэтому В. Шаров, вероятно, и оказался фигурой маргинальной в российском постсоветском литературном процессе, а его творчество было подчинено общей линии – деконструкции истории как источника политического мифа. Это обстоятельство не позволяет относить его ни к одному из поколений отечественных постсоветских постмодернистов, если такая типология, основанная на различных генерациях, возможна. Герои В. Шарова не

в состоянии достичь компромисс как друг с другом, так и с собственной историей, воображаемой в различных версиях культурной и социальной памяти.

Особое место в историческом воображении В. Шарова занимали идеи воссоздания истории в религиозноцентричной системе координат. В этой ситуации писатель как постмодернист фактически конструировал историю ситуативно и зависимо от внешних культурных контекстов, воспринимая ее как несколько «нервных и взвинченных» историй, воображаемых и изобретаемых одновременно и параллельно (Шаров, 2003: 8). Он отрицал возможность выработки ее философии, полагая, что «философии нашей истории нет и не может быть, есть только ее теология» (Шаров, 2015: 358). Поэтому В. Шаров стремился актуализировать антропологическое измерение русского исторического процесса, давно открытое в западной историографии, но игнорируемое в русской литературе, начало чему было положено классическими текстами XIX в., где история описывалась почти исключительно языком гранд-нарративов. Этот подход невольно перекинулся и на академическую историческую науку, ставшую историографией общих мест, где человек как актер истории был заменен государством, будучи ему подчиненным. Вероятно, именно в силу этих причин В. Шаров в своих текстах стремился преодолеть отсутствие человека в русской истории, столь активно населяя свои произведения многочисленными персонажами. Это придает его прозе характер имитации и симуляции нарративных источников, а также актуализирует понимание того, что роль и место человека в историческом процессе в России максимально минимизирована, даже – редуцирована, сведена к следующему: «человек рухнул как подкошенный. Он понял, что он трава. Он понял, что вокруг луг. Он понял, что уже время. Время сенокоса» (Шаров, 2009: 62). Актуализируя особенность российской истории как истории, написанной в рамках государственной парадигмы и поэтому в максимальной степени дегуманизированной, а как следствие – «земной и очень малопривлекательной» (Шаров, 2018: 191), В. Шаров весьма скептически оценивал традиционные для советской историографической модели модусы воображения прошлого, основанные на вере в прогресс и, как следствие, на отрицании альтернативности истории (что не только стимулировало, но и объясняло склонность власти к проведению исторических и социальных экспериментов).

Восприятие российской истории в прозе писателя было в значительной степени альтернативно по отношению к официальной историографии, что позволяло ему актуализировать ее человеческие измерения и проявления – от частной переписки до смерти анонимного героя. Подобное восприятие истории как воображенной категории позволило В. Шарову изобразить своего рода склонность к самоубийству, сравнив исторический процесс с крышей, наполненной людьми, которые «идут по делам или просто гуляют. Мои симпатии на стороне первых <...>, они идут прямо и, когда доходят до края крыши, прыгают. В их прыжках есть сила, напор, расчет, стремительность и деловитость» (Шаров, 2009: 61). Комментируя восприятие истории в текстах В. Шарова, российский критик Михаил Эпштейн полагал, что писатель в своей прозе и публицистике действовал как «историк не только по образованию, но и по мироощущению. Он чувствовал историю органически <...>, открыв своими романами огромную историческую тему: Россия как новый Израиль, Москва как четвертый Иерусалим <...>. Шаров открыл эту тему и по сути закрыл ее, его безвременный уход завершил целую эпоху <...>. Владимир Шаров работал с глубинными матрицами российской истории, сочетавшими ветхозаветное, новозаветное, сектантское, богоборческое, атеистическое <...>. Шаров был первым, кто освоил эту многоматричность российской истории <...>, глубинная цикличность российской истории становится у Шарова мощным орудием художественной герменевтики и искусства многослойной интерпретации» (Эпштейн, 2018: 278–280).

Именно эта ситуация неопределенности вынуждает двигаться в разных направлениях, что превращает российскую историю XX в., по версии В. Шарова, в разнонаправленную – одновременно реальную, наполненную культурными и социальными конфликтами и противоречиями, а также альтернативную – воображаемую версию прошлого, которая, несмотря на ее нереальность, так же наполнена насилием и принуждением, как реальная история российских революций и политических экспериментов XX столетия. В прозе писателя разнонаправленность российской истории как движения осмысляется в категориях бегства и возвращения, ее гетерогенность в контекстах работы памяти и ностальгии проявляется в письмах. Владимир Шаров в своей прозе решительно порывает с традициями классического реалистического романа, хотя поэтику реализма он успешно имитирует и симулирует в воображаемых подробностях жизни героев, в бытописательстве, описаниях культурных и

социальных реалий, особенностях и подробностях существования и пребывания персонажей в социальных и исторических реалиях российской и советской истории. Его герои могли «исходить страну вдоль и поперек» (Шаров, 2015: 26), но эти пространственные передвижения в границах советской географии не приближали их к пониманию судьбы населенного ими пространства и его истории. В. Шаров порывает с нормами реализма не только в этом: его проза не может быть локализована в рамках традиционной линейной парадигмы социального, культурного и исторического времени.

История как топос движения в прозе В. Шарова

С одной стороны, если проза В. Шарова, пребывает за пределами позитивистской логики исторического процесса, то она также подчиняется качественно другим религиозно-пространственным законам, связанным с историей как движением. С другой стороны, шаровские постмодернистские эксперименты с историей не уникальны в силу того, что постмодерн в целом склонен использовать историю, деконструируя и конструируя ее одновременно как инструмент собственного литературного воображения (Кулавкова, 1996; Кулавкова, 2008; Кулавкова, 2009). Топос «метро» в «Возвращение в Египет» становится одновременно попыткой как конструкции, так и деконструкции российской истории как движения. Один из героев романа воспринимает метро в религиозноцентричной системе координат, полагая, что если «станции метро – это языческие храмы, возведенные в честь того или иного большого демона, слуги антихриста, то подземные туннели – корневая система страшного города, а бешено мчащиеся по ней поезда – змеи, отродье того райского гада, который когда-то соблазнил Еву и погубил человеческий род. Как чудище, пожиравшее девиц в Галилее и убитое Св. Георгием, они живьем заглатывают человеческие души, только на этот раз не невинные, а падшие и, доставив по назначению, изрыгают на станции их греха. <...> Человек спускается в подземный мир не просто так: несчастный добровольно едет работать на антихриста, строить его город и, чтобы он окончательно проникся дьявольским духом, навсегда забыл Господа, весь его путь – поклонение одной языческой святыне за другой, издевательская пародия на паломничество по святым местам истинного христианина» (Шаров, 2015: 473). В этой системе координат московское метро становится топосом российской истории советского периода, символизируя цикличное круговое движение отдельных социальных групп и целых

наций по замкнутому кольцу исторического процесса в его советской безальтернативной модели. Если метро – символ современного урбанистического движения, то храм или церковь, дом для молитв символизируют корабль как средство передвижения по духовным пустыням советской реальности, которую В. Шаров столь активно конструировал и деконструировал.

Поэтому дом сектантов, затерянный в Средней Азии, становится кораблем, при помощи которого герои совершают (пере)движения и путешествия в альтернативные измерения российской истории, а смотритель дома, «кормчий», превращается в доброго пастыря, который пытается провести «избранный народ» через злоключения советской истории» (Шаров, 2015: 42). Но проблема в том, что это путешествие, которое вполне может быть определено как «странничество» – не более чем мысленный эксперимент, локализованный в пространствах альтернативной истории. Если герои «Возвращения в Египет» «бегут» и это бегство, реальное и образное, оказывается попыткой возвращения, то герои другого шаровского романа – «Будьте как дети» (Шаров, 2016) – тоже втянуты в религиозное движение, но это паломничество было похоже на крестный ход или крестовый поход. Однако этот поход в литературном и историческом воображении В. Шарова превращается в очередную мистификацию и попытку изобрести традицию странничества не как религиозного, но политического движения. Поэтому в романе «Будьте как дети» шаровские герои – беспризорники, представители северного народа энцев и Владимир Ленин – отправились в православно-большевистский крестовый поход, целью которого было само движение, воспринимающееся как попытка нравственного и духовного обновления России. В этом контексте роман «Будьте как дети» превращается в роман-конструкт, текст-симуляцию, которая имитирует другие жанры, включая жития святых, правда, героем последнего, новым коммунистическим странником, оказывается сам В. Ленин, который не только «путешествует», но вынуждает отправиться в путь и всю страну.

Это новое путешествие в прозе В. Шарова одновременно обретает характеристики бегства и возвращения, паломничества и крестного хода. Вероятно, это и позволяет определить шаровские романы как тексты-пастиши (Jameson, 1989; Jameson, 1991; Dyer, 2007) или формы постмодернистской литературы «метафикшн» (Waugh, 1984; Imhof, 1986), где линейность и последовательность стали жертвами деконструкции. Поэтому романы В. Шарова становятся попытками

вообразить ход российской истории, каким он мог быть, но каким он не стал, существуя только в гетерогенном дискурсе российского постмодернизма. Анализируя особенности восприятия истории как формы социального и культурного движения в прозе писателя, вероятно, уместно трансплантировать в ее анализ идеи, предложенные Ж. Бодрийяром в его классической работе «*A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social*» (Baudrillard, 1982). Если французский философ анализировал «конец социального», то российский писатель-постмодернист фиксировал в своей прозе «конец исторического» времени и движения. Если у Ж. Бодрийера массы – воображаемая категория, то в прозе В. Шарова на такой статус претендует вся российская история, чьи смыслы он деконструирует, превращая их в конструкторы. Потребители (они же – массы) не в состоянии сами формировать свое коллективное представление об истории.

История предлагается писателем как конструктор, что и предопределяет изображение социального и культурного движения как попытки преодолеть травмы прошлого, превращение путешествия как изгнание в путешествие как бегство, а бегства – в возвращение, что, например, относится к шаровскому «Возвращению в Египет». Как профессиональный историк, писатель настолько вольно обращался с историей, что это, с одной стороны, вызвало непонимание со стороны некоторых русских интеллектуалов (Роднянская, Костырко, 1993). С другой стороны, говоря о превращении истории в изобретенную традицию в шаровской прозе, уместно констатировать «перформативный поворот» в литературе русского постмодернизма, которая в лице отдельных ее представителей подвергала более ранние исторические нарративы радикальной ревизии, пересмотрев и переосмыслив их в категориях перформанса (Димова, 2018). В этой культурной ситуации В. Шаров как писатель игнорирует принципы событийной и хронологической линейности, развитие действия в его текстах в большей степени подчинено логике дискретности и разрывности – поэтому время утрачивает качество традиционной позитивистской последовательности.

Кончина В. Шарова в 2018 г. актуализировала проблему «смерти автора» (Barthes, 2018), один из центральных аспектов которой сводится к поиску стратегий чтения и понимания текста вне зависимости от его автора и авторства. Если болгарская исследовательница Албена Вачева в 2003 г. сформулировала актуальность проблемы пребывания литературоведа «между текстом и метатекстом» (Вачева, 2004), то наследие В. Шарова ставит

фактически эту же проблему, но только в несколько иной плоскости, позволяя исследователю лавировать между текстом и воспроизводимыми им смыслами и традициями. С другой стороны, принимая во внимание постмодернистский характер текстов В. Шарова, исследователь неизбежно рискует стать не только интерпретатором, реинтерпретатором, ревизионистом, но и соавтором, в силу того что писатель оставлял за читателем право принятия / неприятия авторского послания, а также деконструкции его смыслов.

Религиозное паломничество как форма движения русской истории в прозе В. Шарова

В этом контексте «игры» В. Шарова с русской историей и попытки ее деконструкции через ее воображение и изображение как бегства, возвращения и крестового похода / крестного хода превращают его тексты в самостоятельные изобретенные традиции, содержание и смыслы которых открывают перед исследователями многочисленные возможности противоречащих и взаимоисключающих интерпретаций и реинтерпретаций. События в прозе В. Шарова географически также не детерминированы – поэтому география романов «Будьте как дети» и «Возвращение в Египет» чрезвычайно обширна, а передвижения героев в российской исторической географии XX в. одновременно могут восприниматься в категориях политического бегства, возвращения и религиозного паломничества.

По мнению В. Шарова, российская история практически всегда знала только одну модель отношений между государством и обществом: элиты не доверяли гражданам ввиду их отсутствия, а население, низведенное до статуса подданных, предпочитало от власти дистанцироваться не только религиозно, но и желательно пространственно, воспринимая ее как незаконную. В этой ситуации сама модель отношений власти и общества вписывается в модель религиозного спора, который редуцировал историю, превращая ее в ответвление или продолжение богословия (Шаров, 2015: 484), что обуславливает дискретность и фрагментарность исторического процесса, где «целые годы буквально съедены» (Шаров, 2003: 18). Как постмодернист, с одной стороны, и как историк, с другой, В. Шаров был вынужден констатировать, что и русская идентичность, и историческая память как ее производная не избежали процессов эрозии и секуляризации. Поэтому герои романа «Возвращение в Египет», которые принадлежали к различным сектантским группам, толкам и течениям, не только не имели представлений о прошлом,

которые характерны для человека эпохи модерна, но и проявляли тревогу относительно перспектив секуляризации. Это чувство воспринималось ими как «святая тревога», которая проявлялась в осознании того, что «рядом нет Бога, он ушел от тебя, ушел из твоего дома, вообще ушел из мира» (Шаров, 2015: 45).

Подобная секуляризация в значительной степени предопределила особенности восприятия истории героями шаровской прозы, которые были склонны воспринимать историческое время в его редуцированной версии – как почти исключительно религиозное время. Поэтому один из героев романа «Возвращение в Египет» в «Аврааме, Моисее, Христе, Мухаммеде видел естественных предшественников тех же Маркса – Энгельса – Ленина, а их, в свою очередь, считал столь же естественными продолжателями дела пророков Божьих» (Шаров, 2015: 183). Подобное восприятие прошлого сводило историю к перформансу – «жестокому и очень страшному карнавалу», а революцию – к «вещи сложной и отчасти карнавальной» (Шаров, 2015: 48, 321, 595). Владимир Шаров уделял особое внимание проблеме революции как форме религиозности, облаченной в проявления социальной и культурной эпидемии (Шаров, 2009: 78). Это делало возможным восприятие революции 1917 г. как религиозной, фанатизм участников которой имел религиозные основания (Шаров, 2009а: 62–63). Вот почему писатель в своей прозе периодически смешивал библейские и российские временные линии и географические пространства. Поэтому его герои вынуждены признавать, что «революция – тесные врата, она как жизнь в пустыне; те, кто к ней привыкнет и приспособится, станут свободными людьми. Впрочем, скитаться придется еще долго» (Шаров, 2015: 412).

Если в традиционной религиозной литературе Исход может претендовать на статус одной из центральных тем, то в российской постмодернистской прозе В. Шарова революция одновременно претендует на начальную точку как бегства, так и возражения. Однако обе эти ипостаси движения в шаровской прозе обретают характеристики если не бессмысленности, то бесконечности, пространственной и хронологической неопределенности. Религиозная компонента в прозе В. Шарова в большей степени принадлежит к категориям игры, нежели отражает реальность. Злоключения религиозных героев его прозы (а православие и сектантство усилиями писателя в его текстах, так же, как и их носители, были обречены на культурные скитания в поисках смысла) связаны с особенностями социальной, культурной и политической модернизации в России, ее

незавершенностью, а также с характеристиками национализма, радикально отличавшими его от аналогичных западных и восточноевропейских проектов. Анализируя национализм как культурный фактор, Б. Манчев полагает, что он содействовал замене универсальной сакральности ее частными случаями (Манчев, 2003). Трансплантируя это предположение в анализ прозы В. Шарова, логично предположить, что русский писатель одновременно пытался деконструировать религиозные и национальные большие нарративы русской / советской литературы, заменив их частными версиями национального и религиозного дискурсов. Его проза деконструировала большие нарративы и генеральные, обобщающие версии истории, подменяя их индивидуальными и персонифицированными множественными формами и проявления религиозности, которая в текстах писателя была расшифрована и прочитана, что привело к утрате ею традиционной сакральности.

Для В. Шарова как постмодернистского писателя религия была только формой бытования конструктов в тексте. В сравнении с другими русскими авторами он – несмотря на значительное число религиозных образов в его текстах – писатель совершенно светский, в силу того что использовал православие и сектантство как конструкты и изобретенные традиции, которые актуализировали условный, воображённый и изобретенный характер реальности. Религиозное в шаровской прозе не сакрализирует мир – оно, наоборот, его десакрализирует смыслы, расшифровывает и многократно (ре)интерпретирует их. В этом контексте религиозное – одно из многочисленных измерений потребления.

Некоторые из героев В. Шарова порождены консьюмеризацией современной истории, что, вероятно, и предопределило их антиисторическое сознание, основанное на отрицании времени как культурной, социальной и тем более исторической категории, втиснутой в религиозное сознание. В этой ситуации Кормчий, один из героев романа «Возвращение в Египет», «не ценит прошлого, знает за ним только один грех» (Шаров, 2015: 45), что фактически стало формой редукции исторической памяти и маргинализации сюжетов, не связанных с религиозным канонем. Восприятие истории как прошлого – не коллективного, но преимущественно персонифицированного – героями романа «Возвращение в Египет» дискретно. История в прозе В. Шарова конструируется как история разрывов, провалов и пустошей / пустот в социальной и культурной памяти. Поэтому дядя Петр и дядя Ференц, герои «Возвращения в Египет», вынуждены

признавать, что российская историческая память имеет короткую генеалогию: «вера наша покоится на чудесах, без них мы о Боге и не вспомним. Сорока дней не вытерпим, станем плясать на костях... не пройдет двух поколений, мы снова решим, что нас вели не так, и всё порушим», – и полна логических провалов. Они особенно ощутимы в культурной и литературной истории: «вся русская литература вышла из гоголевской “Шинели”. Что касается советской, то неверно. Советская родилась из второй, сожженной части “Мертвых душ”» (Шаров, 2015: 330), – в этой ситуации археологию ее идей проследить крайне сложно или практически невозможно.

Анализируя эти особенности прозы В. Шарова, во внимание следует принимать и то, что она предоставляет критику полный набор симулякров, описанный Ж. Бодрийяром (Baudrillard, 1981), включая образ как доброкачественное изображение; симулякр как злокачественное отображение реальности; симулякр как образ, который маскирует отсутствие фундаментальной реальности; и симулякр как форма чистой симуляции. Образы путешествия в прозе В. Шарова представляют все четыре классических типа симулякра. Религиозные искания странствующих героев были не более чем попыткой скрыть отсутствие реальности. Политические мотивы, аллюзии и образы представляли собой недостоверные и искаженные копии советской реальности в силу того, что В. Шаров как модернист был свободен от сомнительной обязанности их реалистического изображения, что давало ему возможность их изобретения и воображения, фактически ставших формами деконструкции.

Описания религиозного быта России как сущности, пребывающей *semper in motu*, содействовали тому, что проза В. Шарова актуализировала свой именно постмодернистский характер в силу того, что автор имитировал реальность, создавая ее несуществующие копии. Они становились текстуализированными изобретенными традициями, которые фактически «притворялись» правильным и достоверным отражением реальности. Кроме этого, тексты В. Шарова, например, роман «Будьте как дети», содержат немало симулякров, которые не имеет никакого отношения к реальности. Это, например, может быть отнесено к образу В. Ленина как странника и лидера нового большевистского «крестового похода». В упомянутой выше триаде «бегство» / «возвращение» / «паломничество» центральным элементом, генерирующим множественные смыслы и гетерогенные значения, вероятно, является именно «возвращение» как возвращение к себе, к историческим корням и истокам, в воображаемый, но никогда

не существовавший «золотой век» русской альтернативной истории. Проблема, однако, в том, что опыт героев и «Возвращения в Египет» и «Будьте как дети» показывает, что в «золотой век» или «землю обетованную» нельзя прийти или вернуться, в силу того что туда можно идти, но сам процесс движения становится имманентной характеристикой исторического процесса.

Мотивы путешествия в его различных измерениях – от возвращения как бегства до паломничества как крестового похода – в прозе В. Шарова самым тесным образом пересекаются с более ранней русской литературой, хотя сторонники позитивистских версий ее истории со склонностью к классикоцентризму, вероятно, склонны исключать творчество этого писателя из исторического контекста развития русской прозы по причине радикальных экспериментов автора. Комментируя сложные и противоречивые отношения постмодернизма с предшествующей литературной традицией, американский писатель и критик Джон Барт подчеркивает, что, по его понятиям, «идеальный писатель постмодернизма не копирует, но и не отвергает своих отцов из XX века и своих дедов из XIX. Первую половину века он таскает не на горбу, а в желудке: он успел ее переварить <...>. Идеальный роман постмодернизма должен каким-то образом оказаться над схваткой реализма с ирреализмом, формализма с “содержимом”, чистого искусства с ангажированным, прозы элитарной – с массовой» (Barth, 1984: 66). В этом контексте путешествия героев В. Шарова не более чем повторения, отголоски, отражения, имитации и симуляции русской классической и советской литературы. Шаровские герои не пытались повторить державинское путешествие: их больше интересовали возможности передвижения между историческими эпохами – через бегство от / из советской современности до возвращения в «Египет» как символ праведной России.

История в прозе В. Шарова – это многочисленные траектории нереализованных исторических сценариев, и в этой ситуации для В. Шарова как писателя-постмодерниста ход или движение истории не подчинены рациональной логике, превращаясь в многочисленные альтернативные движения, которые могли привести не к другой России, но множественным Россиям XX в. В этой ситуации категория истории как движения в шаровской прозе актуализирует качества пародийности, что в целом характерно для постмодернистической литературы. Владимир Шаров не просто предлагал альтернативные восприятия русской истории XX в. – он парадировал ее различные

зафиксированные версии, от романа в письмах (Шаров, 2015) до религиозного жития, включающего мученичество (Шаров, 2016). Поэтому «Возвращение в Египет» может в некоторой степени быть определено как роман в письмах. Проза В. Шарова, если мы будем анализировать травмы изгнания и возвращения, может быть локализована в пространствах исторической прозы, но постмодернистский характер текстов писателя фактически разрушает это допущение в силу того, что его тексты – это конструкты, основанные на имитации и симуляции тех методов рефлексии над прошлым и работы с источниками, которые знакомы каждому профессиональному историку. Владимир Шаров словно сознательно вводил своих читателей в заблуждения, имитируя приемы исторического исследования и особенности работы в российских архивах, фактически обрекая читателя на путешествие как по тексту, так и по собственным семейным генеалогиям в контекстах «большой» российской истории, что превращало читателя в соавтора-потребителя, который не только потреблял текст, но одновременно и конструировал его.

Предварительные выводы

Анализируемые тексты В. Шарова имеют четкое географическое измерение, связанное с образами движения в контекстах путешествия, возвращения, паломничества или бегства. Слово «Египет» в названии романа «Возвращение в Египет» не вводит читателей в заблуждение. Роман не является ориентальным текстом, а вся «египетская» риторика интегрирована в религиозные искания и колебания между протестантизмом и старообрядчеством. Египет в прозе Владимира Шарова фигурирует как часть русской исторической памяти в ее религиозных версиях, попытка найти и «изобрести» свой Египет, откуда русский народ должен отправиться в очередное путешествие / побег, откуда должен выйти и спастись Богом избранный народ или куда ему следует вернуться. Проза В. Шарова переполнена явными и скрытыми библейскими цитатами и аллюзиями. Интерес героев к религии имеет гипертрофированный характер, а некоторые фрагменты шаровской прозы и вовсе больше похожи на псевдоакадемические теологические писания. Романы-путешествия В. Шарова отличаются своей бессобытийностью.

В этой интеллектуальной ситуации «Возвращение в Египет» – почти бессобытийный роман. Различные формы нарратива, преимущественно цитаты из писем, заменяют нарратив в шаровской

прозе, которая фактически мутирует в гигантскую коллекцию цитат, роман-цитату. Имитация и симуляция образов религиозности в постсекулярном мире фактически становится иллюстрацией к мотиву движения как путешествия, но путешествия обреченного и превращающегося в бегство. Путешествия героев прозы В. Шарова в контекстах их персонального опыта практически бессмысленны, в силу того что мотивы путешествия актуализируют проблемы развития русской идентичности как деформированной идентичности, которая сложилась в мире до модерна и без модерна, где доминировали архаичные религиозные представления. Путешествия в прозе писателя постепенно утрачивают связь с реальностью, трансформируясь в путешествие-конструкт, путешествие-память. Вероятно, именно поэтому путешествие актуализирует роль религии, которая в прозе В. Шарова играет роль одной из многочисленных иллюзий, мутируя в гетерогенную форму галлюцинации в мире, который сам стал конструктом, а проза – сферой его бытования и существования.

В этом контексте романы В. Шарова – изобретенные традиции, которые актуализируют не путешествия героев, а миграции – бегства, паломничества и возвращения – идентичности. Таким образом, «Возвращение в Египет» и «Будьте как дети» могут быть интерпретированы как попытки деконструкции реальности через бегство от нее, предлагающее взамен новую, еще более реальную и оттого гипертрофированно обыденно повседневную версию реальности, облаченную в одеяния российской истории как истории семьи, истории религии... и истории Египта как государства, которое на протяжении своего существования было Россией, подавлявшей свободу и духовные искания и на позволившей героям В. Шарова сбежать в Землю Обетованную. Поэтому мотивы путешествия в прозе писателя тесно связаны с образами российской истории, которая в анализируемых текстах последовательно следовала принципу цикличности, когда коллективные образы Египта как тюрьмы и лагеря, абстрактных или реальных, неизбежно (под)менялись другими. В этой ситуации в прозе В. Шарова российская история предстает как движение, в рамках которого менялась только внешняя форма или локализация пространственного пребывания героев как обитателей реального или воображаемого, индивидуального или коллективного Египта. Таков фактор, который стимулировал интеллектуальные рефлексии российских авторов относительно исторических и политических травм XX в.

Герои прозы В. Шарова фактически оказываются заложниками российской истории как движения замкнутого цикла. Коллективная историческая память, представленная как ностальгией, так и попытками забывания и вытеснения, вынуждает героев (точнее – воображаемого коллективного героя, представленного русской нацией) выбирать между бегством или возвращением в воображаемые «России» и «Египты», которые оказываются не более чем постмодернистскими конструктами и изобретенными традициями.

Источники

- Шаров, В. (2016). *Будьте как дети*. Москва: АСТ.
- Шаров, В. (2015). *Возвращение в Египет*. Москва: АСТ.
- Шаров, В. (2003). *Воскрешение Лазаря*. Москва: Вагриус.
- Шаров, В. (2009). *Избранная проза в трех книгах. Кн. 3: До и во время*. Москва: ArsisBooks, 2009.
- Шаров, В. (2009а). *О «Записных книжках» Андрея Платонова*. В Шаров, В. *Избранная проза в трех книгах. Кн. 2: Испытание революцией (русская верховная власть). Эссе*. Москва.: ArsisBook. 55-68.
- Шаров, В. (2018). *О сырьевых и несырьевых странах (письмо Александру Эткинду)*. В Шаров, В. *Перекрестное опыление: время, место, люди: Сборник эссе*. Москва: ArsisBook. 182-196.

Литература

- Антов, П. (2008). Какво иде след постмодернизма: един карамазовски сюжет. В *LiterNet* № 11 (108). URL: https://liternet.bg/publish11/p_antov/kakvo.htm (дата обращения: 03.03.2020).
- Ащеулова, И. (2013). Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX – начала XXI в. В *Вестник Томского государственного университета. Филология* № 1 (21). 80-98.
- Ащеулова, И. (2016). Сюжет «второе пришествие Христа» в романах В. Шарова. В *Сибирский филологический журнал* № 2. 106-113.
- Беззубцев-Кондаков, А. (2006). Карать и врачевать. О прозе Владимира Шарова. В *Топос. Литературно-философский журнал*. URL: <https://www.topos.ru/article/4351> (дата обращения: 04.03.2020).
- Белкин, Б. (2019). Мне повезло. О встречах с Владимиром Шаровым и его книгами. В *Знамя* № 4. URL: <http://arsisbooks.ru/Reviews/recenziya/428/> (дата обращения: 07.02.2020).
- Березин, В. (2018). *Философия литературы и время философии*. В *Культурная инициатива*. 4 сентября. URL: <http://kultinfo.com/novosti/2741/> (дата обращения: 02.02.2020).
- Вачева, А. (2003). *Дискурси на модерността: опит за постмодерно разбиране*. В Вачева, А., Чобанов, Г. (Съст.). *Култура и критика. Ч. III:*

- Краят на модерността?* Варна: LiterNet. 457-479. URL: <https://litenet.bg/publish4/avacheva/kritika3/diskursi.htm> (дата обращения: 02.02.2020).
- Вачева, А. (2004). Литературоведът – между текста и метатекста. В *LiterNet* № 2 (51). URL: <https://litenet.bg/publish4/avacheva/literaturovedyt.htm> (дата обращения: 10.03.2020).
- Визель, М. (2019). *Владимир Шаров всю жизнь писал один мета-роман на одну тему: русская история, которую он воспринимал как историю рода.* В *Год литературы*. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/repeticiya-vechnoy-zhizni> (дата обращения: 02.03.2020).
- Димова, М. (2018). Интердискурзивните перформанси на книжевността. В *Современа филологија* № 1 (1). 111-128.
- Иваницкая, Е. (2008). И слепые повели зрячих. В *Дружба народов* № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2008/11/i-slepye-poveli-zryachih.html> (дата обращения: 02.04.2020).
- Иванова, Н. (2018). «Не чувствую себя ни учителем, ни пророком». Памяти Владимира Шарова. В *Новая газета* № 91, 22 августа. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/08/20/77550-ne-chuvstvuyu-sebya-ni-uchitelem-ni-prorokom> (дата обращения: 05.02.2020).
- Каспэ, И. (2008). Не вря, не ржа, не спася. В *Новое литературное обозрение* № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/ne-vrya-ne-rzha-ne-sprasya.html> (дата обращения: 07.02.2020).
- Кірчанаў, М. (2019). *Топас руху як пастаяннага вяртання ў прозе рускага і беларускага постмадэрнізму (на прыкладзе тэкстаў Уладзіміра Шарова і Віктара Марціновіча.* В Арцямёнак, Г.А. (Рэд.). *Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце: Матэрыялы III Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі*. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава. 166-169.
- Котеска, Ј. (2002). *Постмодернистички литературни студии*. Скопје: Македонска книга.
- Котеска, Ј. (2003). *Македонско женско писмо*. Скопје: Македонска книга.
- Курицын, В. (2019). След в след. Владимир Шаров. Царство Агамемнона. В *Урал* № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2019/1/sled-v-sled-2.html> (дата обращения: 06.03.2020).
- Ќулавкова, К. (1996). *Интертекстуалната потка на романот Александар и смртта од Слободан Мицковиќ.* В Ќулавкова, К. (Уред.). *Потход и исход*. Скопје: Култура. 231-244.
- Ќулавкова, К. (2008). *Македонската историографска метафигурација.* В Црвенковска, Е. (Уред.). *Предавањата на XL Семинарот за македонски јазик, литература и култура*. Скопје: Универзитет “Св. Кирил и Методиј”. 153-168.
- Ќулавкова, К. (2009). *Историографската метафигурација како метаисториографска фигурација: критичко препрочитување на*

- метафигуристиката парадигма*. В Кулаковска, К. (Уред.). *Демонот на толкувањето*. Скопје: МАНУ. 147-166.
- Лихина, Н. (2009). Утопическиот аспект на романа В. Шарова «Будете как деца». В *Вестник РГУ им. И. Кант* № 8. 87-90.
- Манчев, Б. (1999). Интерпретации на идеологијата, идеологија на интерпретациите (врху полемиките во българското литературознание). В *Литературна мисъл* № 1. URL: <https://liternet.bg/publish2/bmanchev/ideologia.htm> (дата на обращение: 25.02.2020).
- Манчев, Б. (2003). *Модерност и антимодерност: българскиот националекзотизъм*. В Вачева, А., Чобанов, Г. (Съст.). *Култура и критика. Ч. III: Крајот на модерноста?* Варна: LiterNet. 376-416.
- Мирзоев, В. (2019). «Все мы умираем детьми». Памяти Владимира Шарова. В *Сноб*. 7 април. URL: <https://yandex.ru/turbo/snob.ru/s/entry/175131/> (дата на обращение: 24.03.2020).
- Мојсјева-Гушева, Ј. (2005). Постмодернизмот во македонската проза. В *LiterNet* № 8 (69). URL: https://liternet.bg/publish15/ja_mojsieva-gusheva/postmodernizmot.htm (дата на обращение: 06.03.2020).
- Папков, В. (2014). Бегство во Египет как палиндром (Владимир Шаров. Возвращение в Египет). В *Новый мир* № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/12/begstvo-v-egipet-kak-palindrom-vladimir-sharov-vozvrashhenie-v-egipet.html (дата на обращение: 03.03.2020).
- Роднянская, И., Костырко, С. (1993). Сор из избы. Вокруг романа В. Шарова «До и во время». В *Новый мир* № 5. 186-187.
- Топоров, В. (2008). Простые ответы. В *Взгляд. Деловая газета*. 2 феврал. URL: <https://vz.ru/columns/2008/%202/2/142025.html> (дата на обращение: 28.02.2020).
- Хасан, И. (2000). Към понятието за постмодернизъм (Послеслов към «Разчленяването на Орфей»). В *Литературен вестник* № 1. URL: <https://liternet.bg/publish1/ihassan/hassan.htm> (дата на обращение: 26.02.2020).
- Шейко-Маленьких, И. (2006). Проблемы поэтики прозы Владимира Шарова. В *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена* № 2 (16). 84-88.
- Шишкин, М. (2018). Бегун и корабль. В *Colta.ru*, 15 ноември. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/19715-begun-i-korabl> (дата на обращение: 25.02.2020).
- Эпштейн, М. (2018). *Летописец Священной истории*. В Шаров, В. *Перекрёстное опыление: время, место, люди: Сборник эссе*. Москва: ArsIsBook. 277-283.
- Эпштейн, М. (2018а). «Священная история» потеряла своего летописца. В *Культурная инициатива*. 4 септември. URL: <http://kultinfo.com/novosti/2741/> (дата на обращение: 04.04.2020).

- Barth, J. (1984). *The Friday Book. Essays and Other Nonfiction*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Barthes, R. (2018). *The Death of the Author*. New York: The Macat Library.
- Baudrillard, J. (1981). *Simulacres et Simulation*. Paris: Éditions Galilée.
- Baudrillard, J. (1982). *A l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social*. Paris: Éditions Collector.
- Dyer, R. (2007). *Pastiche*. New York: Routledge.
- Imhof, R. (1986). *Contemporary Metafiction. A Poetological Study of Metafiction in English since 1939*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Jameson, Fr. (1989). *Postmodernism and Consumer Society*. In Foster, H. (Ed.). *The Anti-Aesthetic: Essays on Post-Modern Culture*. Seattle: Bay Press. 111-125.
- Jameson, Fr. (1991). *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.
- Waugh, P. (1984). *Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. London, New York: Routledge.

References

- Antov, P. (2008). Kakvo ide sled postmodernizma: edin karamazovski siuzhet [What comes after postmodernism: a Karamazov plot]. In *LiterNet*. No. 11 (108). URL: https://litenet.bg/publish11/p_antov/kakvo.htm (accessed March 3, 2020). (In Bulgarian.)
- Ashcheulova, I. (2013). V. Istoricheskaia proza V. Sharova v kontekste russkoi istoricheskoi prozy vtoroi poloviny XX – nachala XXI v. [Sharov's historical prose in the context of Russian historical prose of the second half of the 20th – early 21st centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology]*. No. 1 (21). 80-98. (In Russian.)
- Ashcheulova, I. (2016). Siuzhet «vtoroe prishestvie Khrista» v romanakh V. Sharova [The plot of the “second coming of Christ” in V. Sharov's novels]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal [The Siberian Journal of Philology]*. No. 2. 106-113. (In Russian.)
- Bezzubtsev-Kondakov, A. (2006). Karat' i vrachevat'. O proze Vladimira Sharova [Punish and heal. On the prose of Vladimir Sharov]. In *Topos*. URL: <https://www.topos.ru/article/4351> (accessed April 3, 2020). (In Russian.)
- Belkin, B. (2019). Mne povezlo. O vstrechakh s Vladimirov Sharovym i ego knigami [I was lucky. About meetings with Vladimir Sharov and his books]. In *Znamia [Banner]*. No. 4. URL: <http://arsisbooks.ru/Reviews/recenziya/428/> (accessed July 2, 2020). (In Russian.)
- Berezin, V. (2018). *Filosofia literatury i vremia filosofii [Philosophy of literature and the time of philosophy]*. In *Kul'turnaia initsiativa [The cultural initiative]*, September 4. URL: <http://kultinfo.com/novosti/2741/> (accessed February 2, 2020). (In Russian.)

- Dimova, M. (2018). Interdiskurzivnite performansi na knizhevnošta [The interdisciplinary performance of literature]. In *Sovremena filologija [Contemporary Philology]*. No. 1 (1). 111-128. (In Macedonian.)
- Epstein, M. (2018). *Letopisets Sviashchennoi istorii [Chronicler of Sacred History]*. In Sharov, V. *Perekrestnoe opylenie: vremia, mesto, ljudi [Cross-pollination: time, place, people]*. Moscow: ArsisBook. 277-283. (In Russian.)
- Epstein, M. (2018a). «Sviashchennaia istoriia» poterala svoego letopisista [“Sacred History” has lost its chronicler]. In *Kul'turnaia initsiativa [The Cultural Initiative]*, September 4. URL: <http://kultinfo.com/novosti/2741/> (accessed April 4, 2020). (In Russian.)
- Hassan, I. (2000). Km poniatieto za postmodernizm (Posleslov km “Razchleniavaneto na Orfei”) [To the concept of postmodernism (Afterword to “The Dissection of Orpheus”)]. In *Literaturen vestnik [Literary Journal]* No. 1. URL: <https://liternet.bg/publish1/ihassan/hassan.htm> (accessed February, 2020). (In Bulgarian.)
- Ivanitskaya, E. (2008). I slepye povelii zryachiih [And the blind led the sighted]. In *Druzhba narodov [Friendship of the peoples]*. No. 11. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2008/11/i-slepye-povelii-zryachiih.html> (accessed February 4, 2020). (In Russian.)
- Ivanova, N. (2018). «Ne chuvstvuiu sebii ni uchitelem, ni prorokom». Pamiati Vladimira Sharova [“I don't feel like a teacher or a prophet”. In memory of Vladimir Sharov]. In *Novaia gazeta [New newspaper]*. No. 91. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/08/20/77550-ne-chuvstvuyu-sebya-ni-uchitelem-ni-prorokom> (accessed February 5, 2020). (In Russian.)
- Kaspe, I. (2008). Ne vria, ne rzha, ne spasia [No wonder, no rust, no saving]. In *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]*. No. 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/ne-vrya-ne-rzha-ne-spasya.html> (accessed February 7, 2020). (In Russian.)
- Kirchanov, M. (2019). *Topas rukhu iak pastaianaga viartannia u proze ruskaga i belaruskaga postmadernizmu (na prykladze tekstau Uladzimira Sharova i Viktora Martsinovicha [Topas of the movement as a constant return in the prose of Russian and Belarusian postmodernism (on the example of the texts of Vladimir Sharov and Viktor Martinovich)]*. In Artyamyonak, G.A. (Ed.). *Belaruskaiia mova i litaratura u slavianskim etnakul'turnym kantekestse: Materyialy III Respublikanskaii navukova-praktychnaii kanferentsy [Belarusian language and literature in the Slavic ethnocultural context: Proceedings of the III Republican scientific-practical conference]*. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov. 166-169. (In Belarusian.)
- Koteska, J. (2002). *Postmodernist literary studies [Postmodernistichki literaturni studii]*. Skopje: Makedonska kniga. (In Macedonian.)
- Koteska, J. (2003). *Makedonsko zhensko pismo [Macedonian female writing]*. Skopje: Makedonska kniga. (In Macedonian.)
- Kuritsyn, V. (2019). Sled v sled. Vladimir Sharov. Tsarstvo Agamemnona [Trace in trail. Vladimir Sharov. Kingdom of Agamemnon]. In *Ural [The Urals]*. No. 1.

- URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2019/1/sled-v-sled-2.html> (accessed June 6, 2020). (In Russian.)
- Kulavkova, K. (1996). *Intertekstualnata potka na romanot Aleksandar i smrtta od Slobodan Miskovič* [The intertextual twist of the novel Aleksandar and the death of Slobodan Mickovič]. In Kulavkova, K. (Ed.). *Potkhod i iskhod* [Income and outcome]. Skopje: Kultura. 231-244. (In Macedonian.)
- Kulavkova, K. (2008). *Makedonskata istoriografska metafiktsija* [Macedonian historiographical metafiction]. In Tsrvenkovska, E. (Ed.). *Predavanjata na XL Seminarot za makedonski jazik, literatura i kultura* [Lectures at the XL Seminar on Macedonian Language, Literature and Culture]. Skopje: Univerzitet "Sv. Kiril i Metodij". 153-168. (In Macedonian.)
- Kulavkova, K. (2009). *Istoriografskata metafiktsija kako metaistoriografska fiktsija: kritichko preprochituvañe na metafiktsiskata paradigma* [Historiographical metafiction as meta-historiographical fiction: a critical re-reading of the metafictional paradigm]. In Kulavkova, K. (Ed.). *Demonot na tolkuvan'eto* [The demon of interpretation]. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts. 147-166. (In Macedonian.)
- Likhina, N. (2009). Utopicheski aspekt romana V. Sharova «Bud'te kak deti» [The utopian aspect of V. Sharov's novel "Be like children"]. In *Vestnik RGU im. I. Kanta* [The Bulletin of the Russian State University named after I. Kant]. No. 8. 87-90. (In Russian.)
- Manchev, B. (1999). Interpretatsii na ideologiiata, ideologija na interpretatsiite (verkhu polemikite v bolgarskoto literaturoznanie) [Interpretations on ideology, ideology on interpretation (in the polemic in the Bulgarian literary study)]. In *Literaturna misl* [Literary thought]. No. 1. URL: <https://liternet.bg/publish2/bmanchev/ideologia.htm> (accessed February 25, 2020). (In Bulgarian.)
- Manchev, B. (2003). *Modernost i antimodernost: bolgarskiiat natsionallekzotizm* [Modernity and antimodernity: Bulgarian nationalalekzotizm]. In Vacheva, A., Chobanov, G. (Compls.). *Kultura i kritika. Ch. III: Kraiat na modernostta?* [Culture and criticism. Part III: Crack for a modernist?]. Varna: LiterNet. 376-416. (In Bulgarian.)
- Mirzoev, V. (2019). «Vse my umiraem det'mi». Pamiati Vladimira Sharova ["We all die as children". In memory of Vladimir Sharov]. In *The Snob*, April 7. URL: <https://yandex.ru/turbo/snob.ru/s/entry/175131/> (accessed March 24, 2020). (In Russian.)
- Mosieva-Gushev, J. (2005). Postmodernizmot vo makedonskata proza [Postmodernism in Macedonian prose]. In *LiterNet*. No. 8 (69). URL: https://liternet.bg/publish15/ja_mojsieva-gusheva/postmodernizmot.htm (accessed June 3, 2020). (In Macedonian.)
- Papkov, V. (2014). Begstvo v Egipet kak palindrom (Vladimir Sharov. Vozvrashchenie v Egipet) [Flight to Egypt as a palindrome (Vladimir Sharov. Return to Egypt)]. In *Novyi mir* [New World]. No. 12. URL: https://magazines.gorky.media/novy_i_mi/2014/12/begstvo-v-egipet-kak-

- palindrom-vladimir-sharov-vozvrashhenie-v-egiptet.html (accessed March 3, 2020). (In Russian.)
- Rodnyanskaya, I., Kostyrko, S. (1993). Sor iz izby. Vokrug romana V. Sharova «Do i vo vremia» [Litter from the hut. Around V. Sharov's novel "Before and During"]. In *Novyi mir [New World]*. No. 5. 186-187. (In Russian.)
- Toporov, V. (2008). Prostyle otvety [Simple answers]. In *Vzgliad [View]*. February 2. URL: <https://vz.ru/columns/2008/%202/2/142025.html> (accessed February 28, 2020). (In Russian.)
- Sheiko-Malen'kikh, I. (2006). Problemy poetiki prozy Vladimira Sharova [Problems of the poetics of Vladimir Sharov's prose]. In *Izvestiia Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gertsena [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]*. No. 2 (16). 84-88. (In Russian.)
- Shishkin, M. (2018). Begun i korabl' [Runner and ship]. In *Colta.ru*. November 15. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/19715-begun-i-korabl> (accessed February 25, 2020). (In Russian.)
- Vacheva, A. (2003). *Diskursi na modernostta: opit za postmoderno razbirane [Discourses of modernity: an attempt at postmodern understanding]*. In Vacheva, A., Chobanov, G. (Ed.). *Culture and criticism. Part III: The end of modernity?* Varna: LiterNet. 457-479. URL: <https://litenet.bg/publish4/avacheva/kritika3/diskursi.htm> (accessed February 2, 2020). (In Bulgarian.)
- Vacheva, A. (2004). Literaturovedot – mezhdru teksta i metateksta [Literary critic – between text and metatext]. In *LiterNet*. No.2 (51). URL: <https://litenet.bg/publish4/avacheva/literaturovedyt.htm> (accessed October 3, 2020). (In Bulgarian.)
- Wiezel, M. (2019). *Vladimir Sharov vsju zhizn' pisal odin meta-roman na odnu temu: russkaja istorija, kotoruju on vosprinimal kak istoriju roda [Vladimir Sharov all his life wrote one meta-novel on one topic: Russian history, which he perceived as the history of a family]*. In *the Year of Literature*. URL: <https://godliterary.ru/public-post/repeticiya-vechnoy-zhizni> (accessed February 3, 2020)., J. (1984). *The Friday Book. Essays and Other Nonfiction*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. (In Russian.)
- Barthes, R. (2018). *The Death of the Author*. New York: The Macat Library. (In English.)
- Baudrillard, J. (1981). *Simulacres et Simulation*. Paris: Éditions Galilée. (In French.)
- Baudrillard, J. (1982). *A l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social*. Paris: Éditions Collector. (In French.)
- Dyer, R. (2007). *Pastiche*. New York: Routledge. (In English.)
- Imhof, R. (1986). *Contemporary Metafiction. A Poetological Study of Metafiction in English since 1939*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. (In English.)
- Jameson, Fr. (1989). *Postmodernism and Consumer Society*. In Foster, H. (Ed.). *The Anti-Aesthetic: Essays on Post-Modern Culture*. Seattle: Bay Press. 111-125. (In English.)

- Jameson, Fr. (1991). *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*.
Durham: Duke University Press. (In English.)
- Waugh, P. (1984). *Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*.
London, New York: Routledge. (In English.)